

УДК 340.130:343.9:328.185  
URL: <http://hdl.handle.net/11435/2231>

Поляков С. Б.  
С. 68–75.

**С. Б. ПОЛЯКОВ,**

*доктор юридических наук, доцент, профессор*

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия*

## **АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ**

**Цель:** обосновать общественную потребность, определить предмет, методологические и организационные возможности антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов.

**Методы:** всеобщий диалектико-материалистический метод, используемый для познания потребности антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов в механизме правового регулирования; основанные на нем общенаучные и специальные (формально-юридический и сравнительно-правовой) методы исследования в определении предмета предлагаемой экспертизы.

**Результаты:** показано значение антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов, определены коррупциогенные факторы и коррупционные показатели правоприменительных актов, предложены пути организации проведения таких экспертиз.

**Научная новизна:** обоснованы потребность и предмет, предложены методы нового вида антикоррупционной экспертизы.

**Практическая значимость:** определены условия коррупционного поведения, создаваемые в правоприменительной деятельности, и предложены методы их выявления.

**Ключевые слова:** коррупциогенный фактор; коррупционный показатель; правоприменительный акт; усмотрение правоприменителя; процессуальный контроль.

### **Введение**

Предложенная учеными и установленная на законодательном уровне антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов призвана выявлять коррупциогенные факторы – «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции»<sup>1</sup>.

Однако нельзя не заметить, что необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил для правоприменителя создаются не только и, может быть, даже не столько положениями нормативных правовых актов, сколько правоприменительными

актами в ходе контроля за процессуальными действиями правоприменителя, которыми не пресекаются отступления от закона и тем самым дается сигнал контролируемому правоприменителю о том, что он волен принимать решения по своему усмотрению, не ограниченному «формальностями» закона.

### **Результаты исследования**

1. Вначале приведем пример акта процессуального контроля в условиях, когда положения закона не предвещают произвольного правоприменения.

Постановлением Дзержинского райсуда г. Перми от 06.07.2015 отказано в принятии апелляционной жалобы К. на постановление того же суда от 24.06.2015 о назначении судебного заседания по итогам предварительных слушаний, хотя в п. 8 резолютивной части постановления от 24.06.2015 было указано на возможность его обжалования в соответствии с ч. 7 ст. 236 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Из ч. 7 ст. 236 УПК РФ определенно следует общее правило: судебное решение, принятое по результатам предварительного слушания, может быть обжаловано. И только четыре решения, предусмотренные в пунктах 1, 3–5 ч. 2 ст. 231 УПК РФ, не могут быть обжалованы.

<sup>1</sup> Ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29.

Таким образом, законом установлены четыре изъятия не из запрета обжаловать судебное решение, принятое по результатам предварительного слушания, а из общего дозволения обжаловать указанное судебное решение. Такие четыре решения, запрещенные для обжалования, не оспаривались. Но жалобы на нарушение прав К. на защиту, на проведение предварительного слушания по существу о признании недопустимыми доказательств, на заявление иных оснований для проведения предварительного слушания подлежали рассмотрению в силу прямого указания ч. 7 ст. 236 УПК РФ. Такое толкование закона полностью соответствует второму абзацу п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 26 от 27.11.2012, в котором прямо указывается, что к промежуточным судебным решениям, подлежащим самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке, относится постановление о назначении судебного заседания, вынесенное в соответствии со ст. 231 УПК РФ, с учетом положений ч. 7 ст. 236 УПК РФ<sup>2</sup>.

Отказ в принятии апелляционной жалобы на постановление от 24.06.2015 был основан на прочтении судом ч. 7 ст. 236 УПК РФ в полной противоположности ее содержанию. В постановлении суда от 06.07.2015 написано: «Исходя из действующего законодательства судебное решение обжалованию не подлежит. Из этого положения, в соответствии с ч. 7 ст. 236 УПК РФ, существуют четыре изъятия». По мнению судьи, в ч. 7 ст. 236 УПК РФ установлено не общее дозволение, а общий запрет на обжалование решения, принятого по результатам предварительного слушания, с четырьмя дозволениями. В постановлении указано, что допускается обжалование постановления о прекращении уголовного дела, его приостановление, в части меры пресечения, о возвращении уголовного дела прокурору. Откуда суд взял эти четыре изъятия (какие решения можно обжаловать), в постановлении не указано. Но обо всем этом не говорится ни в пунктах 1, 3–5 ч. 2 ст. 231, ни в ч. 7 ст. 236 УПК РФ.

Однако апелляционным постановлением от 13.08.2015 постановление Дзержинского райсуда г. Перми от 06.07.2015 оставлено без изменения, а апелляционная жалоба – без удовлетворения.

Суд апелляционной инстанции не стал повторять безграмотные выводы суда первой инстанции и обосновывать правильность применения судом первой инстанции ч. 7 ст. 236 УПК РФ, а отказал в удовлет-

ворении апелляционной жалобы на постановление от 06.07.2015 по иным основаниям.

Вместо применения специальной нормы ч. 7 ст. 236 УПК РФ, прямо устанавливающей порядок обжалования постановления по итогам предварительных слушаний, каковым было постановление Дзержинского райсуда г. Перми от 24.06.2015, суд апелляционной инстанции использовал ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ, согласно которой судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу. Таким образом, суд апелляционной инстанции нарушил правило выбора между общей и специальной нормой.

Кроме того, в апелляционном постановлении указано, что постановление Дзержинского райсуда г. Перми от 24.06.2015, апелляционная жалоба на которое не принята, не нарушает конституционные права К. Апелляционная инстанция в отказе рассматривать по существу в порядке п. 3 ч. 2 ст. 75, ч. 8 ст. 234, ст. 235 УПК РФ ходатайство о признании недопустимым доказательством заключения экспертизы, назначенной и проведенной с неопровергнутыми обвинениями нарушениями норм процессуального права, не увидела нарушения запрета ч. 1 ст. 50 Конституции РФ и соответственно права К. на защиту от использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, а также нарушения его права на уголовное преследование только в предусмотренном федеральным законом порядке (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ). Не замечено и нарушение фундаментального права, гарантированного ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, проведением предварительного слушания с преднамеренным и незаконным лишением К. права пользоваться услугами адвоката в судебном заседании. Из-за этого и лишения К. в судебном заседании 24.06.2015 возможности заявить ходатайство о возвращении дела прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ он вынужден защищаться от непонятного обвинения, не содержащего ссылки на фактические обстоятельства, указывающие на признаки составов преступления, в совершении которых он обвиняется, что противоречит сути пп. «а» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ч. 2 ст. 16, п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Отказ в защите названных прав является нарушением права на судебную защиту прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

Можно предположить, что судья районного суда просто не умеет читать закон (в данном случае ч. 2 ст. 231 и ч. 7 ст. 236 УПК РФ). Судья апелляционной

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1. С. 3.

инстанции де-факто признал неправильное чтение закона, но и не отменил неправильное решение и не направил рассмотрение уголовного дела К. в русло предусмотренного федеральным законом порядка (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ст. 1, ч. 3 ст. 7 УПК РФ). Отказ апелляционным постановлением от 13.08.2015 в применении правосстановительных санкций за нарушения судом первой инстанции формально определенных процессуальных норм без фактического опровержения нарушения устанавливает для Дзержинского райсуда г. Перми необязательность для него, вопреки требованиям ч. 2 ст. 1 УПК РФ, обязанностей и запретов, установленных уголовно-процессуальным законом (необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил). Тем самым суду первой инстанции дан сигнал, что К. может быть признан виновным в совершении преступления не в порядке, установленном федеральным законом, а суд второй инстанции закрывает глаза на нарушения этого порядка, рассматривая жалобы на приговор<sup>3</sup>.

Именно так этот сигнал и понят Дзержинским райсудом г. Перми, который, например, при рассмотрении дела по существу отказал в удовлетворении ходатайства о возвращении дела прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ, хотя прокурор в судебном процессе не привел положения обвинительного заключения, в котором бы содержались факты для противоположной оценки выводов об отсутствии признаков преступлений в постановлениях заместителя прокурора Дзержинского района г. Перми от 23.06.2014, прокурора Дзержинского района г. Перми от 04.07.2014, заместителя прокурора Пермского края от 17.07.2014 о возвращении дела на дополнительное расследование. При рассмотрении ходатайства защиты о признании заключения финансово-экономической экспертизы от 4 декабря 2014 г. недопустимым доказательством суд руководствовался ст. 271 УПК РФ, а не специальными нормами, регулирующими рассмотрение данных ходатайств: ст. 75, 88, 234, 235 УПК РФ. Если бы суд соблюдал

требования ч. 2 ст. 1 УПК РФ, то при непровергнутых прокурором многочисленных фактах нарушений норм УПК РФ при назначении и проведении этой экспертизы (в том числе указанных в заключении профессора Е. Р. Россинской в порядке ст. 80 УПК РФ) в силу ч. 5 ст. 234 и ч. 4 ст. 235 УПК РФ ходатайство подлежало удовлетворению. Однако путем нарушения порядка рассмотрения данного ходатайства суд пришел к противоположному выводу, чтобы не рассматривать факты нарушения закона обвинением и использовать доказательство, полученное с нарушением закона. Карт-бланш суду на несоблюдение положений ч. 2 ст. 1 УПК РФ дан краевым судом. Его объективированная форма – апелляционное постановление от 13.08.2015, таким образом, содержит коррупциогенные факторы.

2. Помимо отказа реагировать на фактически непровергнутые нарушения ясных формально определенных норм процессуального права есть другой вид нарушения инстанциями процессуального контроля.

В законе прямо предусмотрена допустимость нарушения норм процессуального права судом: «Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения... Правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям» (ч. 3 и ч. 6 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)). Аналогичные положения содержались в прежней редакции ГПК РФ (ч. 2 ст. 362, ч. 1 ст. 364). Основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм процессуального права, «которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов» (ст. 387 ГПК РФ). То же самое содержится и в других процессуальных кодексах (ч. 3 ст. 270, ч. 3 ст. 288 Арбитражного процессуального кодекса РФ), ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ).

Указанные нормы явно содержат признаки коррупциогенных факторов, предусмотренных пп. «а», «в», «ж» п. 3 и пп. «в» п. 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации № 96 от 26.02.2010 (в ред. Постановления

<sup>3</sup> На момент написания статьи приговор не вынесен. Дело в отношении К. расследовалось ГСУ УМВД по Пермскому краю с 2012 г., направлено в суд после дополнительного расследования. Лица, инициировавшие его уголовное преследование, заключены под стражу в 2015 г. по уголовному делу, расследуемому ГУ МВД России по Приволжскому федеральному округу. Перипетии борьбы за крупное оборонное предприятие широко освещаются в СМИ Пермского края.

Правительства РФ № 732 от 18.07.2015)<sup>4</sup>. Однако это не считается дефектом закона. В частности, Конституционный Суд РФ нижеприводимыми решениями признавал указанные нормы соответствующими Конституции РФ.

Таким образом, в законе заложена презумпция: процессуальные правонарушения суда не влекут не правильного разрешения дела. Нет ограничений для широкого толкования «формальных соображений», как нет и препятствий для ограничительного толкования «влияния на исход дела». Это, а также связанные с такой презумпцией иные факторы, называемые учеными [1], порождают акты процессуального контроля с коррупциогенными факторами особого вида.

Противоположная названной презумпции позиция содержалась в выступлении на VI Всероссийском съезде судей председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, который говорил, что равенство сторон достигается предельной формализацией правосудия, сведением всего судебного процесса исключительно к логическому состязанию «... (т. е. формальной процедуре, лишенной всяческого субъективного содержания и допускающей столь же строгую формализованную проверку). <...> Соблюдение процедуры обеспечивается путем обязательной отмены решений, пусть, возможно, правильных по существу, но вынесенных с нарушением установленного порядка. При несоблюдении принципа формализма применение права становится избирательным, так как под любое заранее оговоренное решение можно подвести необходимую правовую базу таким образом, что внешне решение будет казаться юридически обоснованным. <...> если высший судебный надзор в постоянном режиме осуществляет скрупулезную проверку всех этих актов по указанным критериям следования букве закона и соблюдения процедуры, то возможность для маневра, для юридической "отмазки", резко сужается» [2].

Дискуссия по данному вопросу<sup>5</sup> не является предметом настоящей статьи. В ее целях – обратить внимание на следующее.

Например, в определении Конституционного Суда РФ № 670-О-О от 23 июня 2009 г. говорится:

<sup>4</sup> Собрание законодательства РФ. 2010. № 10; 2015. № 30.

<sup>5</sup> В том числе комментарий п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» от 19.06.2012 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2012. № 9. С. 15.

«Как неоднократно отмечал Конституционный суд Российской Федерации в своих решениях (определения № 404-О от 23.06.2009 и № 85-О от 24.02.2005), применяя правовое предписание к конкретным обстоятельствам дела, суд принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения, что не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав и свобод граждан.

Оспариваемое заявителем законом положение, в соответствии с которым правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям, само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные права и свободы заявителей, указанных в жалобе, поскольку определение того, какие нарушения являются формальными и не влекут отмену проверяемого постановления нижестоящего суда, подлежит установлению судом в каждом конкретном деле исходя из фактических обстоятельств»<sup>6</sup>.

В п. 6 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ № 9-П от 16.03.1998 сформулированы признаки неопределенности в управомочивающих должностных лиц нормах:

1) дискреционные полномочия на решение вопроса не содержат каких-либо предписаний, формально определяющих круг оснований по выраженной в законе воли законодателя для принятия решения;

2) формулировки целей, для достижения которых должны реализовываться полномочия, не ограничивают усмотрение правоприменителя, поскольку допускают возможность расширительного их истолкования;

3) для реализации дискреционных полномочий на решение вопроса закон не требует вынесения мотивированного акта, что освобождает управомоченного от обязанности устанавливать и оценивать наличие законных оснований для решения вопроса;

4) реализация дискреционных полномочий на решение вопроса не ограничена судебным обжалованием решения, которое является окончательным<sup>7</sup>.

Из приведенных положений решений Конституционного суда РФ можно вывести коррупциогенные факторы в актах процессуального контроля по жалобам на нарушения процессуальных норм, сформулированных оценочными терминами, предполагающими усмотрение правоприменителя:

<sup>6</sup> СПС «КонсультантПлюс».

<sup>7</sup> Собрание законодательства РФ. 1998. № 12.



1) отсутствие фактического опровержения доводов жалобы на отсутствие в правоприменительном акте фактических обстоятельств, дающих основание для применения оценочной формулировки процессуальной нормы;

2) отсутствие фактического опровержения доводов жалобы о несоответствии материалам дела (недоказанности) фактов, указанных в качестве основания для применения процессуальной нормы с оценочной формулировкой;

3) отсутствие фактического опровержения доводов жалобы об изменении процессуальным решением установленного законом распределения бремени доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делу, по содержанию и порядку представления доказательств и / или о создании процессуальным решением иных препятствий для обжалующего процессуальное решение в представлении доказательств и опровержении доказательств стороны, получившей преимущества, что означает отсутствие опровержения доводов о нарушении процесса вынесения обоснованного (правильного по существу) решения;

4) отсутствие опровержения доводов жалобы о неправильном толковании процессуальных норм, примененных или не примененных обжалуемым процессуальным решением, относительно фактических обстоятельств дела с указанием ошибок в способах отвергаемого толкования права и с указанием способов правильного толкования права, т. е. отсутствие мотивированности процессуального решения, влекущее нарушение процесса вынесения законного (правильного по существу) решения.

Нельзя не различать коррупциогенные факторы и коррупционные показатели правоприменительного акта.

Коррупциогенные факторы правоприменительного акта, если не изобретать не вызываемое никакими практическими потребностями понятие, отличное от понятия, содержащегося в ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 172-ФЗ от 17.07.2009, должны иметь существенный признак: установление правоприменительным актом условий для необоснованно широких пределов усмотрения для правоприменителя при вынесении им в будущем решения по делу. Поэтому коррупциогенные факторы в правоприменительном акте, которым выносится решение по существу, отыскивать по определению неверно.

В решении по существу могут быть коррупционные показатели того, что решение вынесено не по закону, а по иным (незаконным) мотивам. На это

безусловно указывает отсутствие в судебном решении (приговоре), постановлении о привлечении к административной ответственности:

– оценки доказательства, на которое ссылалась сторона, не удовлетворенная решением;

– оценки части показаний свидетелей или участников дела, на которые ссылалась сторона, не удовлетворенная решением;

– оценки сопоставления доказательств, на необходимость чего ссылалась сторона, не удовлетворенная решением.

Вышеприведенные коррупциогенные факторы правоприменительного акта также являются показателями вынесения решения не в порядке исполнения процессуальных обязанностей правоприменителя, а по иным мотивам.

Но не всякий коррупционный показатель правоприменительного акта является коррупциогенным фактором. Например, отказ в принятии встречного иска ограничивает ответчика в способах защиты от иска, лишает его возможности по ряду дел обоснованно изменить бремя доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делу, расширить круг таких обстоятельств. Однако немотивированный отказ в принятии встречного иска, нарушающий существенное процессуальное право ответчика, но не подлежащий обжалованию, согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13 от 26.06.2008 («Определение об отказе в принятии встречного иска по мотивам отсутствия условий, предусмотренных ст. 138 ГПК РФ, обжалованию в суд апелляционной или кассационной инстанции не подлежит»)<sup>8</sup> не создает для другого правоприменителя условия для будущего решения по делу, а является способом вынесения решения по делу заведомо не в пользу ответчика. А потому такое процессуальное решение содержит коррупционные показатели, но не коррупциогенные факторы.

Из вышеизложенного следует, что объектом выявления коррупциогенных факторов (антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов) следует определить акты процессуального контроля, которыми дело не решается по существу, а возвращается правоприменителю после проверки для дальнейшего рассмотрения (расследования).

<sup>8</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10. С. 3. В арбитражном процессе определение о возвращении встречного иска может быть обжаловано (п. 13 информационного письма Президиума ВАС РФ № 82 от 13.08.2004 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 10. С. 111).

Невозможно определить лишь по содержанию правоприменительного акта, являются ли его указанные дефекты следствием мотивов корысти, карьерных стремлений, в том числе послушания председателю суда (пример – [3]), иных обязательных признаков коррупционного поведения, предусмотренных пп. «а» п. 1 ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008<sup>9</sup>, либо следствием того, что А. Ф. Кони называл «лень ума» [4]. Однако куда в меньшей степени указывают на коррупционность правоприменительного акта сведения о доходах и расходах, об имуществе судьи и членов его семьи, других правоприменителей. Но требование таких сведений законодательно считается противодействием коррупции<sup>10</sup>. Поэтому выявление в правоприменительном акте коррупциогенных факторов тем более должно быть определено как мера противодействия коррупции в части выявления объективной стороны коррупционного поведения.

В литературе уже обращалось внимание на проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов при расследовании уголовных и административных дел [5]. Однако организационные вопросы предлагаемой экспертизы упираются прежде всего в принцип независимости судебной власти в современной интерпретации. Этот принцип, как условие правильного разрешения дел (применения норм материального права), распространен на формы контроля за соответствием деятельности судов (судей) целям и задачам правосудия и за соблюдением ими процессуальных норм. Антикоррупционную экспертизу правоприменительных актов в силу закона должны проводить суды. Однако на многие процессуальные нарушения судебная система закрывает глаза. Показательна тенденция рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. При постоянном увеличении количества рассмотренных жалоб снижается количество удовлетворенных: в 2011 г. – 10,9 %, в 2012 г. – 8,6 %, в 2013 г. – 6,8 %<sup>11</sup>.

Система, независимая от внешнего контроля, фактически бесконтрольна, т. е. изначально коррупциогенна. Выход из этого порочного круга автором предложен в форме внешнего контроля над существующей судебной системой по решению гражданских, административных и уголовных дел, при котором сохраняется принцип независимости суда в решении конкретного дела<sup>12</sup>. В этом же русле следует решать вопросы проведения предлагаемой экспертизы вне судебной системы. Официальные институты такой экспертизы могли бы быть созданы при Уполномоченных по правам человека в субъектах федерации. Согласно ежегодным докладом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, постоянно поступает большое количество жалоб, связанных с неэффективностью судебной системы. В 2010 г. 64,9 % жалоб в связи с нарушениями личных (гражданских) прав указывали на нарушение права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, в 2011 г. – 59,1 %, в 2012 г. – 67,1 %, в 2013 г. – 72,0 %. В докладе за 2014 г. автором не обнаружено такого показателя, но в нем много места уделяется содержанию и нелицеприятному анализу деятельности судебной системы. В 2014 г. больше всего обращений к Уполномоченному по правам человека в РФ было по вопросам защиты прав в уголовном судопроизводстве – 32,1 %<sup>13</sup>.

Куда более важным средством противодействия коррупции, чем декларации о доходах и расходах судей и членов их семей, было бы закрепление в законодательстве статуса независимых антикоррупционных экспертиз правоприменительных актов и их значения для надзорной инстанции Верховного Суда РФ.

### Выводы

Общественная потребность антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов определяется тем, что высшая степень свободы правоохрани-

<sup>9</sup> Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1).

<sup>10</sup> П. 7 ст. 1 Федерального закона № 274-ФЗ от 25.12.2008 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1); п. 1 ст. 18 Федерального закона № 329-ФЗ от 21.11.2011 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48.

<sup>11</sup> Обзоры Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции за 2011–2014 гг. URL: <http://www.cdep.ru> (Судебная статистика – Обзоры о деятельности судов) (дата обращения: 06.09.2015). Причем в обзоре за 2014 г. нет сведений о делах, рассмотренных в порядке ст. 125 УПК РФ. Если, например, в обзоре за 2013 г. говорится о 2,8 млн рассмотренных районными

судами представлений, ходатайств и жалоб и на одной странице показана статистика по видам соответствующих дел, в том числе рассмотренных в порядке ст. 125 УПК РФ (с. 11–12), откуда приведены сведения, то в обзоре за 2014 г. указано только: «За 2014 г. в районных судах было рассмотрено 2 млн 54 тыс. представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) (в скобках данные за 2013 г. – 2 млн 8 тыс.)» (с. 10).

<sup>12</sup> Поляков С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: понятие и пути реализации. М., 2011. С. 277–283.

<sup>13</sup> Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ. URL: [ombudsmanrf.org](http://ombudsmanrf.org) (дата обращения 19.10.2015).

менителя от закона при вынесении решения по делу достигается при получении им через правоприменительные акты инстанций процессуального контроля сигнала о том, что определенные нарушения закона допустимы и ненаказуемы.

Объектом антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов следует определить акты процессуального контроля, которыми дело не решается по существу, а возвращается правоприменителю после проверки для дальнейшего рассмотрения (расследования).

Предмет предлагаемой экспертизы – коррупциогенные факторы, а именно отсутствие в объекте исследования:

1) опровержения доводов жалобы о неправильном применении процессуальных норм, но прямое или косвенное оправдание нарушения;

2) фактического опровержения доводов жалобы на отсутствие в правоприменительном акте фактических обстоятельств, дающих основание для применения оценочной формулировки процессуальной нормы;

3) фактического опровержения доводов жалобы о несоответствии материалам дела (недоказанности) фактов, указанных в качестве основания для применения оценочной формулировки процессуальной нормы;

4) фактического опровержения доводов жалобы об изменении процессуальным решением установленного законом распределения бремени доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делу, по содержанию и порядку представления доказательств и / или о создании процессуальным решением иных препятствий для обжалующего процессуальное реше-

ние в представлении доказательств и опровержении доказательств стороны, получившей преимущества;

5) опровержения доводов жалобы о неправильном толковании процессуальных норм, примененных или не примененных обжалуемым процессуальным решением, относительно фактических обстоятельств дела с указанием ошибок в способах отвергаемого толкования права и с указанием способов правильного толкования права.

Эти факторы несложно определять формально-юридическим анализом содержания правоприменительного акта процессуального контроля.

Необходимо институциональное решение проведения предлагаемой экспертизы кроме инстанций процессуального контроля институтами гражданского общества с определением их значения для надзорной инстанции Верховного Суда РФ.

#### Список литературы

1. Юдин А. В. Факторы «устойчивости» решений судов первой инстанции по гражданским делам и их «реабилитация» судами проверочных инстанций // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1. С. 25–41.

2. Выступление на VI Всероссийском съезде судей председателя Конституционного суда РФ В. Д. Зорькина // Российская юстиция. 2005. № 1–2. С. 13.

3. Савченко А. Н. Принцип независимости судебной власти // Российский судья. 2009. № 3. С. 11–12.

4. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1967. С. 40.

5. Афанасьев А. Ю., Лубин А. Ф., Миловидова М. А. Судебная антикоррупционная экспертиза правовых актов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 36–39.

*В редакцию материал поступил 22.10.15*

© Поляков С. Б., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

#### Информация об авторе

**Поляков Сергей Борисович**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Адрес: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, тел.: (342) 293-38-61

E-mail: [psb59@rambler.ru](mailto:psb59@rambler.ru)

**Как цитировать статью:** Поляков С. Б. Антикоррупционная экспертиза правоприменительных актов // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 68–75.

**S. B. POLYAKOV,**

*Doctor of Law, Associate Professor, Professor*

*Perm State National Research University, Perm, Russia*

#### ANTICORRUPTION EXPERTISE OF LAW-ENFORCEMENT ACTS

**Objective:** to substantiate public necessity, to define the subject, methodological and organizational capabilities of anti-corruption expertise of law enforcement acts.

**Methods:** universal dialectic-materialistic method was used to study the needs in anti-corruption expertise of law enforcement acts in the mechanism of legal regulation; based on it, general scientific and special (formal legal and comparative legal) methods of research used for the definition of subject-matter of the proposed expertise.

**Results:** the value of anti-corruption expertise of law enforcement was shown, corruption factors and corruption indicators enabling legislation were identified, ways of conducting such examinations were proposed.

**Scientific novelty:** the article examines the need and the subject, proposes methods of a new type of anti-corruption expertise.

**Practical significance:** the conditions of corruption are defined, which are created in law enforcement activities, and methods for their detection are proposed.

**Key words:** corruption factor; corruption index; law enforcement act; judicial discretion; procedural control.

#### References

1. Yudin, A. V. Faktory «ustoychivosti» reshenii sudov pervoi instantsii po grazhdanskim delam i ikh «reabilitatsiya» sudami proverochnykh instantsii (Factors of «stability» of decisions of trial jurisdiction courts in civil cases and their «rehabilitation» by testing jurisdiction courts) // *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2012, no. 1, pp. 25–41.
2. Vystuplenie na VI Vserossiiskom s"ezde sudei predsedatelya Konstitutsionnogo suda RF V. D. Zor'kina (Report at the 6<sup>th</sup> All-Russian Assembly of Judges by Chairman of Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zor'kin) // *Rossiiskaya yustitsiya*, 2005, no. 1–2, p. 13.
3. Savchenko, A. N. Printsip nezavisimosti sudebnoi vlasti (Principle of independence of court power) // *Rossiiskii sud'ya*, 2009, no. 3, pp. 11–12.
4. Koni, A. F. Nravstvennye nachala v ugolovnom protsesse (Obshchie cherty sudebnoi etiki) (Moral principles in the criminal procedure (General features of court ethics)) // *Sobr. soch. v 8 t. T. 4. M.: Yuridicheskaya literatura*, 1967, p. 40.
5. Afanas'ev, A. Yu., Lubin, A. F., Milovidova, M. A. Sudebnaya antikorrupsionnaya ekspertiza pravovykh aktov (Court anti-corruption expertise of legal acts) // *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2015, no. 3 (31), pp. 36–39.

*Received 22.10.15*

#### Information about the author

**Polyakov Sergey Borisovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Perm State National Research University

Address: 15 Bukirev Str., 614990, Perm, tel.: (342) 293-38-61

E-mail: psb59@rambler.ru

**For citation:** Polyakov S. B. Anticorruption expertise of law-enforcement acts // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 68–75.

© Polyakov S. B., 2015. Originally published in *Actual Problems of Economics and Law* (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in *Actual Problems of Economics and Law*, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.